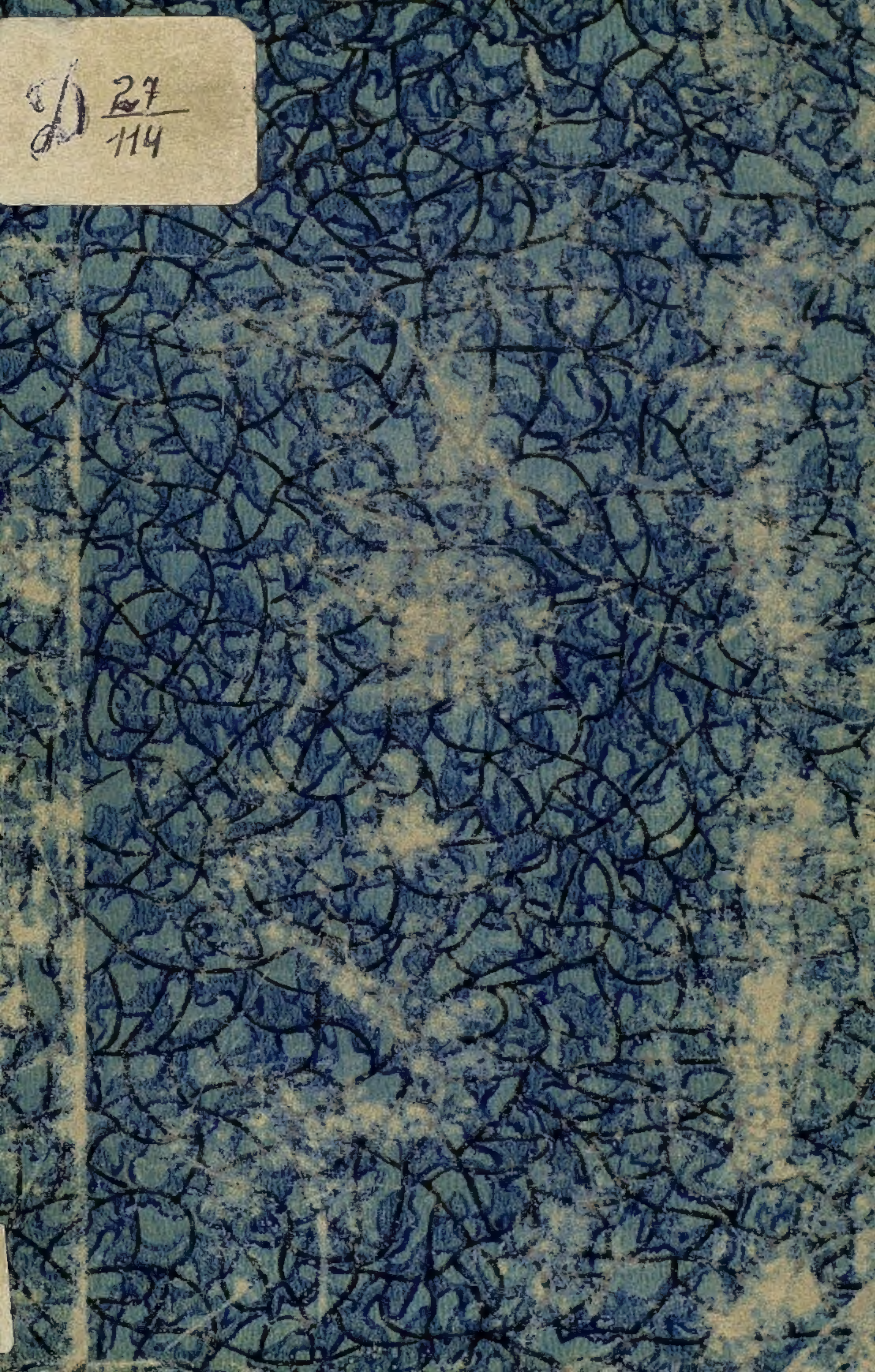

ВОСПОМИНАНІЕ О В. И. ДАЛѢ.

(Съ извлеченіями изъ его писемъ.)

Академика Я. К. Грота.

Послѣднія двадцать лѣтъ жизни Даль безвыѣздно провелъ въ Москвѣ и жилъ въ это время противъ Зоологическаго сада въ домѣ бывшемъ Иванова, который онъ сперва нанималъ, а потомъ пріобрѣлъ покупкою. Здѣсь поселился онъ, оставивъ службу (должность управляющаго нижегородской удѣльной конторы), и принялся за исполненіе давнишняго своего желанія, — 60-и лѣтъ отъ роду совершенно посвятить себя окончательной обработкѣ и изданію своего словаря. Здѣсь я съ тѣхъ поръ почти каждое лѣто, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, видѣлъ его, сначала еще бодрымъ и крѣпкимъ, а потомъ быстро дряхлѣющимъ и болѣзненнымъ. Просторная зала съ балкономъ на дворъ служила ему и кабинетомъ; здѣсь онъ работалъ надъ своимъ словаремъ, сидя у стоявшаго поперекъ комнаты большаго письменнаго стола. Съ другой стороны дома, окнами въ садъ, была большая бильярдная, гдѣ онъ послѣ обѣда проводилъ цѣлые часы за любимой своей игрой, въ которой достигъ большаго искуства.

Въ одномъ изъ некрологовъ Даля было сказано, что дворъ этого дома заросъ травою и что ворота его рѣдко отворялись для немногихъ, еще помнившихъ Владиміра Ивановича, друзей его и почитателей. Это замѣчаніе совершенно несправедливо: ворота его дома были напротивъ всегда отворены, и я почти всякій разъ заставалъ у него кого-нибудь то изъ старыхъ его пріятелей, то изъ лицъ, которыя искали знакомства съ уважаемымъ ветераномъ русской литературы. Будучи очень бережливъ и простъ въ своемъ

образѣ жизни, онъ въ то же время былъ всегда гостепріименъ: друзей, приходившихъ къ нему около ранняго обѣденнаго часа его онъ всегда приглашалъ къ своему столу, а проѣзжавшимъ черезъ Москву близкимъ людямъ радушно предлагалъ пристанище въ своемъ просторномъ домѣ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Даля въ іюнѣ 1872 года: онъ только что оправлялся отъ недавняго апоплексическаго удара и сидѣлъ на кровати, но сохранялъ полную свѣжесть умственныхъ силъ; говорилъ ясно, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ заводилъ рѣчь о предстоявшей разлукѣ съ жизнью. У кровати сидѣли двѣ его незамужнія дочери (второй жены, рожденной Соколовой, онъ лишился за нѣсколько мѣсяцевъ до того); тутъ же былъ и священникъ, который недавно принялъ его въ православіе.

Имя Даля, какъ и псевдонимъ его Казакъ Луганскій, было у насъ, начиная съ 30-хъ годовъ, однимъ изъ самыхъ популярныхъ. Съ самаго появленія въ литературѣ извѣстность его быстро распространилась, благодаря между прочимъ неожиданному запрещенію, которому подверглись изданныя имъ въ 1832 году сказки: онѣ были задержаны за нѣсколько превратно-истолкованныхъ словъ и авторъ лишенъ свободы, которая впрочемъ въ тотъ же день была возвращена ему, благодаря предстательству нѣсколькихъ хорошо знавшихъ его лицъ (особливо Жуковскаго), напомнившихъ между прочимъ заслугу Даля во время военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ,—постройку имъ моста черезъ Вислу.

Въ первый разъ встрѣтился я съ Далемъ въ 30-хъ же годахъ въ одномъ петербургскомъ купеческомъ домѣ, именно у Я. А. Шредера, въ семействѣ котораго любили русскую литературу; тамъ я еще ранѣе, бывши воспитанникомъ Царскосельскаго лицея, познакомился съ барономъ Дельвигомъ. Въ молодости Даль обладалъ, между прочимъ, талантомъ забавно разсказывать съ мимикою смѣшные анекдоты, подражая мѣстнымъ говорамъ, пересыпая разсказъ поговорками, пословицами, прибаутками и т. п. Въ тотъ вечеръ, о которомъ я говорю, онъ былъ, что̀ называется, въ ударѣ: слушатели, особенно молодежь, хохотали до упаду; онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.

Поселившись въ Петербургѣ послѣ разныхъ мытарствъ и будучи практикующимъ врачемъ, Даль вскорѣ пристрастился къ гомеопатіи. Одна изъ первыхъ статей на русскомъ языкѣ объ этомъ способѣ лѣченія была написана имъ и напечатана въ Современникѣ Плетнева. Часто разсказывалъ онъ друзьямъ своимъ о бывшемъ въ его завѣдываніи гомеопатическомъ отдѣленіи военнаго госпи-

таля, и вмѣстѣ съ Гречемъ до конца оставался горячимъ сторонникомъ этой врачебной системы. Вовсе не касаясь вопроса, въ какой мѣрѣ взглядъ его былъ справедливъ, считаю любопытнымъ привести нѣсколько строкъ изъ замѣтки, напечатанной имъ въ 60-хъ годахъ по поводу одного распоряженія противъ изданія гомеопатическаго лѣчебника: «Еслибъ аллопатъ, да еще и начальствующій, подалъ голосъ на пользу гомеопатіи, то развѣ онъ симъ самымъ не отрекся бы отъ своихъ братій, не объявилъ бы самъ себя гомеопатомъ? Тутъ нѣтъ исходу, и доколѣ гомеопатія будетъ подъ командою аллопатовъ, дотолѣ она будетъ подъ гнетомъ А между тѣмъ она принялась у насъ всюду, и выжить ее нѣтъ возможности; она одолѣваетъ старую школу силою правды своей и расплылась уже такъ широко, что ее подъ каблукъ не упрячешь; а что врачебная администрація ея не признаётъ какъ парижская академія не признаетъ животнаго магнетизма, такъ отъ этого дѣло не убудетъ, а повѣсть о семъ перейдетъ въ наше потомство.»

Еще при жизни Владиміра Ивановича, я имѣлъ случай, именно при разборѣ его *Толковаго словаря*, напечатать curriculum vitae автора. Этотъ біографическій очеркъ былъ написанъ мною по свѣдѣніямъ, доставленнымъ, по моей просьбѣ, имъ самимъ. Сообщаю теперь дословно собственный разсказъ его.

«Отецъ мой, датчанинъ, кончившій ученье по двумъ или тремъ факультетамъ въ Германіи, былъ вызванъ, если не ошибаюсь, черезъ Ахвердова, къ Петербургской библіотекѣ; онъ зналъ много языковъ. Но увидавъ въ Питерѣ, что у насъ нуждаются во врачахъ, онъ отправился опять за границу при помощи Ахвердова и нѣсколькихъ другихъ; кончилъ и эти науки, и воротясь на Русь, женился на урожденной Фрейтагъ, коей мать переводила драмы Ифланда на русскій языкъ, какъ видно изъ каталога Смирдина. Онъ состоялъ при войскахъ въ Гатчинѣ у великаго князя, оттуда перешелъ въ Петрозаводскъ, оттуда въ Лугань, по горно-врачебному вѣдомству, гдѣ и принялъ въ 1797 году подданство. Не смотря на это, герольдія требовала отъ меня въ 1843 году *доказательствъ*, что я русскій подданный. Но я не могъ добиться объясненія, какого бы рода *доказательства* могъ представить человѣкъ въ моемъ положеніи, самъ присягавшій уже четыремъ государямъ, когда герольдія отказывалась отыскать у себя эти присяжные листы!

«Но я широко размахнулся, эдакъ надоѣшь и любителю. Я родился въ Лугани 1801 г. 10 ноября въ одинъ день (года) съ Лютеромъ и Шиллеромъ. Оттуда отца перевели главнымъ докторомъ и

инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ; насъ двоихъ братьевъ свезли въ 1814 году въ Морской корпусъ (ненавистной памяти), гдѣ я замертво убилъ время до 1819 года и отправился обратно мичманомъ. Меня укачивало въ морѣ такъ, что я служить не могъ, но въ наказаніе за казенное воспитаніе долженъ былъ служить, неудачно пытавшись перейти въ инженеры, въ артилерію, въ армію.

«Переведенный по кончинѣ отца (1821) въ Кронштадтъ (1823), я въ отчаяніи не зналъ, что дѣлать; мать моя, съ младшимъ сыномъ, уѣхала въ Дерптъ, для воспитанія его, и звала меня туда же. Безъ малѣйшей подготовки, сроду не видавъ университета, безо всякихъ средствъ, я вышелъ въ отставку, принявъ взаймы навязаные мнѣ насильно Романомъ Ѳедоровичемъ барономъ Остенъ-Сакеномъ 1000 руб., встрѣтилъ въ Дерптѣ необычайно радушный пріемъ профессоровъ и сталъ учиться латыни почти съ азбуки.

«Года черезъ полтора одинъ казеннокоштный студентъ не въ порядкѣ оставилъ честь и мѣсто: меня пригласили занять его, и я въ 1826 вступилъ въ число казенныхъ, срокомъ съ 1825 года, по 200 р. сер. въ годъ. Кромѣ того, я давалъ уроки русскаго языка, по 1 рублю ассигн. за часъ. Мнѣ оставалось пробыть до конца 1830 года, но начальство потребовало высылки всѣхъ годныхъ въ войну 1829 года; насъ отобрали троихъ и мнѣ позволили тутъ же держать на доктора.

«Въ Турціи и Польшѣ пробылъ я въ арміи до 1832 года, много занимался операціями (также у частныхъ больныхъ глазными, катаракты), поѣхалъ въ отпускъ въ Питеръ, былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя, напечаталъ въ 1833 году сказки, за кои взятъ жандармомъ и посаженъ въ III Отдѣленіе, откуда выпущенъ безъ вреда того же дня вечеромъ; В. А. Перовскій пригласилъ меня въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій. Я женился на дѣвицѣ Андре, родной внукѣ учителя Петропавловской школы Гауптфогеля, и поѣхалъ; сынъ мой Левъ Арсланъ зодчимъ въ Нижнемъ; сынъ Святославъ умеръ младенцемъ, дочь уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ; въ 1838 я овдовѣлъ; въ 1841, отходивъ Хивинскій походъ, поступилъ въ секретари къ товарищу министра удѣловъ, Л. А. Перовскому, завѣдуя послѣ *частно* и особенною канцеляріею министра внутреннихъ дѣлъ (будучи и чиновникомъ особыхъ порученій по мин. вн. д.); въ 1849 назначенъ въ управляющіе Нижегородской удѣльной конторой, въ 1859 вытѣсненъ оттуда губернаторомъ Муравьевымъ —когда братъ его былъ Това-

рищемъ министра удѣловъ. — Вышелъ въ отставку съ двумя третями пенсіи и пошелъ въ Москву.

«Словаремъ занимался безсознательно, изучая языкъ, съ 1819 года, когда на пути записывалъ слова; въ 1829, въ Турціи, было уже много собрано; тамъ были подъ рукою люди всѣхъ губерній. Горячее желанье мое исполнилось, я всегда мечталъ посвятить себя съ 60-ти лѣтъ одному этому дѣлу. Никакой полноты и соразмѣрности частей нѣтъ, но сохранить запасы эти иначе, какъ напечатавъ ихъ, нельзя было.

«Съ 1833 года, когда я получилъ вдругъ, вмѣсто 700 руб. асс., 3000 асс. жалованья и еще денежныя награды, я откладывалъ ежегодно всѣ остатки и заработки, и теперь этимъ могу жить; записная книга моя доказываетъ, что другихъ доходовъ у меня не было. Да, уѣзжая изъ Оренбурга, я женился на дочери раненаго еще подъ Бородинымъ майора Соколова, отъ коей у меня три дочери.

«Академія Наукъ сдѣлала меня членомъ-корреспондентомъ въ 1834 году, по естественнымъ наукамъ, а во время соединенія Академій, меня, безъ вѣдома моего, перечислили во 2-е Отдѣленіе. Общество любителей Россійской словесности въ Москвѣ выбрало меня въ члены въ 1857, а въ почетные, въ 1868; Общество Исторіи и древностей въ дѣйствительные члены въ 1863; Академія (Наукъ) въ почетные, 1865 или 6, не помню, и однимъ годомъ вообще могу ошибаться. Русскаго Географическаго Общества состою членомъ-учредителемъ, насъ всего было 12. Оно присудило мнѣ за словарь Константиновскую медаль. — Самъ испугался учености своей, переписавъ всѣ почеты эти....Да для чего вамъ все это, право не понимаю—какая связь со словаремъ? Судите дѣло, а личность откиньте, что вамъ до нея?

«Но старина вспомнчива и заманчива. Не много осталось мнѣ сроку здѣсь, не долго посуетиться—по предсказанію нынѣшній годъ послѣдній [1]), а если это и враки, то одряхлѣніе очевидно тянетъ землю въ землю, а духъ расправляетъ крылья. Отецъ мой, силою воли своей, умѣлъ вкоренить въ насъ навѣкъ страхъ Божій и святыя нравственныя правила. Видя человѣка такого ума, учености и силы воли, какъ онъ, невольно навсегда подчиняешься его убѣжденіямъ. Онъ при каждомъ случаѣ напоминалъ намъ, что мы Русскіе, зналъ языкъ, какъ свой, жалѣлъ въ 1812 году, что мы еще молоды и негодны, и далъ лошадямъ своимъ кличку: Смоленской, Бородин-

[1]) Письмо это писано 1 августа 1868 года.

ской, Можайской, Тарутинской и пр. Мать, жившая до 1858 года, нравственно управляла нами, направляя всегда на прикладную, дѣльную, полезную жизнь. Двое братьевъ моихъ умерли чахоткой, третій убитъ 1831 на приступѣ Варшавы. Во всю жизнь свою я искалъ случая поѣздить по Руси, знакомился съ бытомъ народа, почитая народъ за ядро и корень, а высшія сословія за цвѣтъ или плесень, по дѣлу глядя, и почти съ дѣтства смѣсь нижегородскаго съ французскимъ мнѣ была ненавистна, по природѣ, какъ брюква, однимъ одно кушанье изъ всѣхъ, котораго не люблю. При недостаткѣ книжной учености и познаній, самая жизнь на дѣлѣ знакомила, дружила меня всесторонне съ языкомъ: служба во флотѣ, врачебная, гражданская, занятія ремесленныя, которыя я любилъ, все это вмѣстѣ обнимало широкое поле, а съ 1819 года, когда я на пути въ Николаевъ записалъ въ Новгородской губерніи дикое тогда для меня слово *замолаживаетъ* (помню это донынѣ) и убѣдился вскорѣ, что мы русскаго языка не знаемъ, я не пропустилъ дня, чтобы не записать рѣчь, слово, оборотъ на пополненіе своихъ запасовъ. Гречъ и Пушкинъ горячо поддерживали это направленіе мое, также Гоголь, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ; Жуковскій былъ какъ бы равнодушнѣе къ этому и боялся мужичества.»

Послѣдняя фраза требуетъ нѣкотораго поясненія. Многочисленные разсказы изъ народнаго и солдатскаго быта, сказки и повѣсти Даля писаны, по собственному его сознанію, болѣе въ интересахъ этнографіи и лингвистики, нежели съ художественною цѣлью или вслѣдствіе творческой потребности. Дѣйствительно, въ нихъ гораздо болѣе виденъ зоркій наблюдатель, внимательно изучавшій нравы, обычаи, повѣрья и говоръ простонародья, нежели писатель съ живою фантазіей и эстетической натурой. Жуковскій мало сочувствовалъ языку, какимъ выражался Даль. Когда однажды, во время проѣзда по Оренбургскому краю нынѣ царствующаго Государя Императора, Владиміръ Ивановичъ представилъ бывшему въ свитѣ Наслѣдника Жуковскому прозаическій отрывокъ, написанный по образцу тамошней народной рѣчи, то поэтъ замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками, и притомъ о близкихъ имъ предметахъ. Еще рѣзче былъ отзывъ Жуковскаго о какихъ-то стихахъ Даля. Это разсказывалъ мнѣ самъ Владиміръ Ивановичъ, и вотъ по какому поводу. Живя въ Нижнемъ, онъ пристрастился къ спиритизму. Тамъ была дѣвица хорошаго семейства, которая служила ему медіумомъ для общенія съ духами. Обыкновенно дѣло на-

чиналось вопросомъ, обращеннымъ къ невидимымъ собесѣдникамъ, которые могли находиться въ той же комнатѣ: «Кто тутъ есть?» Однажды отвѣтомъ было: «Жуковскій». Тогда у отвѣчавшаго потребовали доказательства, что это точно онъ, попросивъ его сказать что-нибудь такое, что̀ могло быть извѣстно только ему и вопрошавшему. Невидимка отвѣчалъ: «А помнишь ли, какъ ты мнѣ когда-то показалъ свои стихи, а я отвѣчалъ тебѣ, что это не поэзія, а болтовня пьяныхъ казаковъ на базарѣ?»

Точно ли таковъ былъ отзывъ Жуковскаго, или Владиміръ Ивановичъ, въ излишнемъ самоуничиженіи, давалъ такую форму приговору поэта, не берусь рѣшить; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что литературный языкъ, который желалъ создать Казакъ Луганскій, былъ не по вкусу автора Свѣтланы и переводчика Ундины. Нельзя не согласиться, что въ мнѣніи Даля о пригодности народныхъ выраженій для замѣны общеупотребительной образованной рѣчи было своего рода преувеличеніе. Но объ этомъ я имѣлъ уже случай подробно высказаться при разборѣ Толковаго словаря, когда за него присуждена была составителю Ломоносовская премія, и потому могу не входить уже теперь въ разсмотрѣніе этого вопроса. Довольно, что Академія наша, не смотря на весьма крупные недостатки этого словаря въ смыслѣ научномъ, все-таки признала его, въ виду собраннаго въ немъ громаднаго матеріала, достойнымъ награды, учрежденной въ память Ломоносова за труды, пролагающіе новые пути въ области знанія.

Въ перепискѣ, которую я велъ съ Владиміромъ Ивановичемъ въ послѣдніе годы его жизни, я совѣтовалъ ему написать свои воспоминанія о прошломъ; его дѣятельность была такъ разнообразна, онъ такъ много видѣлъ и испыталъ, былъ въ близкихъ сношеніяхъ со столькими замѣчательными людьми, что, казалось, записки его могли бы быть особенно интересны и поучительны. Вотъ его замѣчательный отвѣтъ на мой вызовъ:

«Вы говорите о запискахъ моихъ. Не рѣшаюсь на это, не видя въ нихъ большой пользы и будучи поставленъ въ раздумье. Записки могутъ, главнѣйше, относиться до личности пишущаго или до современныхъ ему событій. Первое считаю слишкомъ ничтожнымъ, второе мнѣ не подъ силу; я не любилъ подноготныхъ дрязговъ, на коихъ, какъ на мази, вертится земная ось, и нѣтъ у меня памяти на нихъ. Первый родъ записокъ коренится на самотности, на самолюбіи, тщеславіи — а у меня, слава Богу, этой шишки нѣтъ; второй приличенъ человѣку, жившему въ большомъ свѣтѣ, бывше-

му представителемъ, зачинщикомъ, коноводомъ—я вѣкъ свой былъ подчиненнымъ работникомъ, избѣгалъ начальничанья, не будучи къ тому способенъ, и вся бытовая жизнь моя протекла въ тѣсномъ кругу. Наконецъ, какъ ни верти, а пропоешь хвалебную пѣснь себѣ и всѣхъ другихъ опорочишь: въ каждомъ встрѣчномъ дѣлѣ самъ выходишь правъ, а прочіе виноваты. То, что въ теченіе жизни моей боролось въ тайникѣ души моей само съ собою—не для печати, исповѣдь Богу повинна, а не людямъ, и на площадяхъ не оглашается, да и никому не нужна она, кромѣ меня самого; личина, которою невольно тутъ и тамъ пришлось бы прикрыться, мерзитъ, и безгрѣшно замѣняется молчаньемъ. Всестороннее осужденье подозрительно и надменно. Простой же разсказъ обиходной жизни и погодный счетъ мелочныхъ событій, относительныхъ къ своей особѣ—не стóитъ чернилъ и бумаги, ни вниманія людей, коимъ въ руки попадется подобная книжка». Такъ смотрѣлъ на вопросъ о запискахъ человѣкъ, умудренный годами и опытомъ, хотя и имѣвшій полное право гордиться своими обширными свидѣніями, своими многообразными заслугами, и произносить рѣшительные приговоры. Скромный отзывъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, какъ теперь извѣстно изъ разсказа П. И. Мельникова [1]), Даль въ болѣе молодые годы писалъ свои записки, но, опасаясь повредить ими человѣку, которому считалъ себя обязаннымъ, уничтожилъ ихъ безвозвратно. Это было также своего рода нравственнымъ подвигомъ.

Работая, по порученію Академіи, надъ разборомъ *Толковаго словаря*, я писалъ объ этомъ Далю. На это онъ отвѣчалъ мнѣ:

«Радъ радъ, что много занимались *мною* или словаремъ. Вы находите свой разборъ строгимъ—но взглядъ мой на это дѣло одинаковъ съ вашимъ: легонькій разборъ показалъ бы набреженіе къ труду, а *правда* равно бреетъ въ обѣ стороны, и за и противъ. Гдѣ будетъ высказана правда несомнѣнная, тамъ нельзя будетъ разумнымъ образомъ возражать, ни требовать другаго отзыва; гдѣ будетъ высказано одно лишь мнѣніе, убѣжденіе, тамъ пусть всякій разбираетъ доводы—и всякому воля; въ этомъ дѣлѣ нѣтъ насилія, никому рта платкомъ не завяжешь. Загляните въ *Напутное слово* [2]) мое: что̀ я сказалъ тамъ, раздумывая, рѣшаться ли мнѣ на это дѣло, когда Академія отказалась, и могу ли я его сдѣлать одинъ?

---

[1]) Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1873, мартъ.

[2]) Напечатанное, вмѣсто предисловія, при *Толковомъ словарѣ*.

А сказалъ я все это не по жеманству, а по искреннему убѣжденію и ради правды. Если бы я не рѣшился, очертя голову, то всѣ собранныя мною сокровища погибли бы ни за грошъ. Это *не словарь, а запасы для словаря*; скиньте мнѣ 30 лѣтъ съ костей, дайте 10 лѣтъ досугу, и велите добрымъ людямъ пристать съ добрымъ совѣтомъ —мы бы все передѣлали, и тогда бы вышелъ словарь!»

Тотчасъ по присужденіи Владиміру Ивановичу Ломоносовской преміи, я послалъ ему свой въ то же время отпечатанный разборъ. Не смотря на нѣкоторыя довольно рѣзкія замѣчанія мои, онъ принялъ эту рецензію очень благодушно; конечно, какъ человѣкъ, Владиміръ Ивановичъ не могъ не быть нѣсколько огорченъ тѣми мѣстами ея, которыя выставляли слабыя стороны словаря: онъ возражалъ на нихъ, оспаривалъ иные изъ высказанныхъ мною взглядовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ благодарилъ за указанныя ошибки, обѣщалъ воспользоваться поправками; наши отношенія нисколько не измѣнились. Вотъ что тогда писалъ онъ мнѣ между прочимъ: «Плохо можется; силы падаютъ, голова отступается отъ духа, вещественные снаряды коснѣютъ; вотъ почему я и молчалъ. Но на послѣднюю подачку молчать не могу, такъ ей обрадовался. Написалъ бы самъ свое спасибо гг. Рупрехту и Шренку[1]), да немощи одолѣваютъ. Пожалуста передайте: и ваши и всѣ ихъ поправки не пропадутъ даромъ, а во многомъ исправятъ будущее изданіе словаря, если бы я и не дожилъ до него; вношу все, все что могу принять по убѣжденію; *тысяча* поправокъ испестрили уже словарь мой, переплетенный въ *шесть* толстыхъ книгъ, съ прокладкою бѣлыхъ листовъ, и если бы нашлось болѣе такихъ добрыхъ людей, кои не жалѣютъ труда и знаній своихъ на помощь собрату и на общую пользу, то подобныя дѣла пошли бы иначе. Начавъ печатать словарь въ шестьдесятъ лѣтъ и предвидя восемь лѣтъ труда, я не чаялъ дожить до конца его, а для пополненія его всѣмъ тѣмъ, что было когда-либо напечатано, вѣку мало.» Затѣмъ онъ входитъ въ частныя замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ, имѣющія конечно свой спеціальный интересъ, но которыя здѣсь приводить было бы неумѣстно[2]).

---

[1]) По просьбѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности, академики Л. И. Шренкъ и покойный Ф. И. Рупрехтъ, написали свои отзывы о встрѣчающихся въ Толковомъ словарѣ объясненіяхъ зоологическихъ и ботаническихъ. Эти отзывы были напечатаны вмѣстѣ съ моимъ разборомъ и также доставлены Далю.

[2]) Напр. онъ защищаетъ свое производство словъ: *прощелыга* отъ *щелокъ*, на которое я указалъ какъ на ошибочное; *вытъ* отъ *вытягивать*; *зга* отъ *зи-*

ПИСЬМО В. И. ДАЛЯ КЪ Г. П. ГЕЛЬМЕРСЕНУ.

Въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года напечатано нѣсколько писемъ Даля къ друзьямъ изъ хивинскаго похода. Но есть еще одно тогдашнее письмо его, писанное по-нѣмецки къ академику Г. П. Гельмерсену. Оно любопытно тѣмъ, что писано тогда, когда уже рѣшено было итти обратно, и потому содержитъ очеркъ всего похода. Это письмо только недавно напечатано въ подлинникѣ, какъ приложеніе къ книжкѣ: «Aus dem Tagebuche eines Reisenden.» (St. Petersburg 1871). Такъ какъ оно, такимъ образомъ, еще неизвѣстно русскимъ читателямъ, то я считаю умѣстнымъ заключить свое воспоминаніе о покойномъ нашемъ почетномъ членѣ переводомъ этого письма къ академику и тѣмъ дополнить сообщенныя Далемъ извѣстія о походѣ въ Хиву.

Передъ письмомъ помѣщена въ оригиналѣ пояснительная замѣтка, изъ которой приведу слѣдующее:

Осенью 1839 года Даль сопровождалъ графа Перовскаго въ предпринятомъ противъ ханства Хивы зимнемъ походѣ, на которомъ, какъ извѣстно, пришлось бороться со всѣми препятствіями и ужасами степной природы. Хотя онъ и не удался въ томъ смыслѣ, что небольшое храброе войско не достигло цѣли экспедиціи, Хивы, однакожъ результатъ былъ тѣмъ не менѣе благопріятный, такъ какъ устрашенная хищническая страна должна была смириться передъ Россіей и возвратить свободу всѣмъ захваченнымъ подданными хана Русскимъ, изнывавшимъ въ тяжкомъ рабствѣ на рѣкѣ Аму-Дарьѣ.

Письмо Даля написано въ ту критическую минуту, когда графъ Перовскій, понявъ невозможность итти далѣе, долженъ былъ остановиться въ глубокихъ снѣгахъ на Эмбѣ, съ тѣмъ чтобы весной начать обратный путь къ Оренбургу.

И этимъ самымъ путемъ, по плоской возвышенности, гдѣ Перовскій въ 1840 г., при упорныхъ морозахъ отъ 25° до 32° Реомюра ниже нуля, засѣлъ въ снѣгахъ съ 10,000 верблюдовъ, съ военными снарядами и провіантомъ,—полковникъ Данилевскій въ 1841 году, при 15° холода и снѣгѣ, покрывавшемъ землю только на нѣ-

---

нуть, *окунь* отъ *окунать*, *сигъ* отъ *сигать*. Относительно перваго слова онъ пишетъ: «да, прощелоченый, тонкій плутъ. Почему же нѣтъ?» Относительно же остальныхъ напоминаетъ, что при нихъ у него вопросительный знакъ, которымъ выражается одно предположеніе; и т. д.

сколько дюймовъ, безпрепятственно пробрался въ Хиву и въ началѣ 1842 года возвратился въ Оренбургъ. Въ этой экспедиціи полковнику Данилевскому сопутствовалъ извѣстный ботаникъ Базинеръ, который сдѣланныя при этомъ случаѣ наблюденія напечаталъ въ 15-мъ томѣ изданія гг. Бера и Гельмерсена «Beiträge zur Kenntnis des Russichen Reichs.»

Вотъ самое письмо:

7 февраля 1840 г.,
130 верстъ по ту стороны Эмбы.

О началѣ нашего великаго предпріятія вы давно слышали, любезный Гельмерсенъ, а теперь слышали, вѣроятно, уже и о концѣ его. Вамъ будетъ любопытно кое-что узнать о немъ — разбирайте только мой почеркъ какъ умѣете: я пишу на ящикахъ; на дворѣ все еще не менѣе 20 градусовъ мороза, и сидѣнье у меня довольно безпокойное. Съ 10.400 верблюдовъ — вмѣсто предположенныхъ 12.000, которыхъ нельзя было набрать во-время — мы выступили 17 ноября изъ Оренбурга вслѣдъ за тремя первыми колоннами, которыя пошли впередъ 14-го, 15-го и 16-го ноября и всѣ наконецъ, 5-го декабря, соединились на Бишъ-тамакѣ [1]). Въ дорогѣ было у насъ иногда — 28°,—29°; разъ — 33° или 34°, потомъ — 29°,—28°; средняя температура за это время была ниже — 20°. Однакожъ съ нами были запасы дровъ, кое-что нашли мы въ дорогѣ, и жить можно было. Оттуда до Эмбы, при устьѣ рѣчки Аты-Якши [2]), мы уже нашли гораздо болѣе снѣгу; но внизъ по Илеку, а потомъ вверхъ по Эмбѣ, черезъ Бассагу, лѣсъ, побережный кустарникъ и кое-гдѣ порядочный подножный кормъ. 19-го декабря мы наконецъ достигли, уже въ нѣкоторомъ нетерпѣньи, первой нашей стоянки на Эмбѣ, а до того мы, послѣднее время, съ большимъ трудомъ пробивались сквозь снѣжныя пространства. Мы иногда дивились, что верблюды немножко уставали и не совсѣмъ охотно подымались на ноги, когда рано утромъ трубили генеральный маршъ — мы ужъ догадывались, что надежда, въ случаѣ совершеннаго недостатка фуража, прокормить этихъ животныхъ лепешками изъ муки—не болѣе какъ мечта, но все шло еще какъ по маслу, хотя изъ

---

[1]) *Бишъ-тамакъ* значитъ пять устьевъ См. *Р. Архивъ* 1867, стр. 414.

[2]) Или *Аты-Джаксы*, какъ пишетъ *Географическо-Статистическій Словарь Росс. Имперіи*, сост. П. П. Семеновымъ, (т. I, стр. 160). Это лѣвый притокъ Эмбы въ Киргизской степи Малой Орды. *Аты-Якши* значитъ *доброе имя* (*Р. Арх.* 1867, стр. 415).

нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ только двое ѣли лепешки, потому что для этого нужна привычка.

Тутъ началась суета на Эмбѣ. Провіантъ вышелъ, нужно было запастись новымъ и для этого все разложить въ мѣшки, корзины, ящики, кули и рогожи, достать и приладить веревки—устроить госпиталь—это бѣдствіе въ тылу арміи; надо было отправить особый конвой въ Акъ-булакъ, наше второе укрѣпленіе, въ 160-ти верстахъ разстоянія, чтобы взять оттуда больныхъ; короче, въ этихъ хлопотахъ прошло три недѣли, и мы не могли двинуться съ мѣста. Морозъ все еще былъ жестокій; мнѣ бы нуженъ былъ цѣлый часъ, котораго теперь негдѣ взять, чтобы сдѣлать вамъ термометрическую табличку; но у насъ, до сегодняшняго дня, едва ли десять дней было менѣе — 10°, а то все — 16°, — 18°, — 20°, — 26°, — 29°, — 30°; при этомъ зачастую страшный буранъ, который вы знаете. Снѣгу на Эмбѣ мы нашли по колѣна и услышали, что далѣе онъ еще глубже. Наконецъ явились наши верблюды—ихъ угоняли на тебеневку [1]) верстъ 20 въ сторону—съ 31 декабря по 10 января, когда колонны, изготовясь, пустились въ путь; они явились въ видѣ остововъ, обтянутыхъ верблюжьей кожей, и вмѣсто 10,400 уцѣлѣло только 8.900. Киргизы повѣсили носъ, вздыхали о неслыханной зимѣ, которую мы имъ принесли, и говорили, что эта зима убьетъ большую часть скота въ степи, а тѣмъ болѣе нашихъ жалкихъ верблюдовъ подъ ихъ вьюками, которые къ несчастію предназначались для крѣпкихъ караванныхъ верблюдовъ и были распредѣлены по 16 пудовъ на каждаго. Изъ заготовленнаго и подвезеннаго на 4 мѣсяца провіанта, мы не могли навьючить и половины; бѣдный В. А. Перовскій былъ въ отчаяніи, и послѣдняя колонна прибыла въ Акъ-булакъ—160 верстъ—только 2-го февраля. Но какъ и въ какомъ положеніи! Цѣлые ряды казаковъ ѣхали гуськомъ, чтобы протоптать какую-нибудь дорогу — тощіе верблюды плелись сзади шатаясь, съ громкимъ рычаньемъ, насилу вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣгу, падали и уже болѣе не вставали. Болѣе 1200 пали въ дорогѣ, остальные были въ самомъ ужасномъ состояніи.

Очевидно приближался всѣмъ имъ конецъ, и мы, на самомъ полупути между Оренбургомъ и Хивой, не смѣли ни жаловаться, ни утѣшать другъ друга. Никто не думалъ о возможности возвратиться, всякій считалъ своею обязанностью идти впередъ, во что бы ни

---

[1]) Зимнее пастбище; см *Р. Архивъ* 1867, стр. 408, 613 и проч.

стало, хотя бы пришлось положить голову и кости. Нѣкоторые однакожъ были попросту легкомысленны, и въ добавокъ не знали положенія вещей, даромъ что каждый день съ нами ѣли и пили — другіе, какъ говорится, обращали нужду въ добродѣтель и проч. Короче сказать, каждый не на шутку приготовлялъ себя къ мысли не воротиться, и хотя наши офицеры и исполнискій штабъ не были одушевлены особеннымъ esprit de corps, однакожъ не было видно ни одного недовольнаго лица.

Признаюсь, что и я съ своей стороны нѣсколько способствовалъ къ тому, что Василій Алексѣевичъ короткое время былъ въ заблужденіи насчетъ настоящаго положенія вещей; и я придумывалъ разные способы и возможности, въ которыя самъ не вѣрилъ. Но я размышлялъ, что до Акъ-булака мы во всякомъ случаѣ должны же добраться; такъ для чего же заранѣе тревожиться и мучить себя заботами? Когда доберемся туда, придется непремѣнно считать верблюдовъ, и тогда вопросъ: да или нѣтъ? самъ собой рѣшится. Къ несчастію, такъ и было: не оказалось и 5,000 верблюдовъ на погахъ, и слѣдовательно мы могли взять съ собою провіанта только на 30 дней.—Полагая, что верблюды будутъ спокпи— намъ оставалось пути еще на 60—70 дней, и завѣдомо мало надежды найти что̀ нужно на мѣстѣ. Итакъ—послѣ тяжкой, тяжкой борьбы съ самимъ собою — генералъ рѣшилъ воротиться. Теперь мы вотъ уже 3-й день въ дорогѣ изъ Акъ-булака, и можемъ съ большимъ трудомъ, съ большимъ трудомъ въ полномъ смыслѣ слова, доплестись до Эмбы, можемъ тащить съ собой провіантъ едва на двѣ недѣли, все же остальное бросаемъ на пути. Къ чему тутъ послужила предусмотрительность? Въ походѣ никакое войско не было продовольствовано такъ хорошо какъ наше, это я говорю по чести и совѣсти; Уральскіе казаки дѣлаютъ чудеса—пѣхота, къ несчастію, избалованный народъ, который никогда не зналъ нужды и переходовъ. До Эмбы болѣе половины сидѣли на верблюдахъ, оттуда выступили пѣшкомъ; солдатъ насилу умѣетъ развести огонь, когда у него есть дерево; казакъ же, напротивъ, долженъ выкапывать соляныя растенія изъ-подъ заледенѣлаго, глубокаго снѣга, не получая топлива, — и какъ скоро онъ на мѣстѣ, у него трещитъ огонекъ. На казакахъ лежитъ весь трудъ при этомъ страшномъ холодѣ, пѣхоту же держатъ въ хлопочкахъ какъ больнаго ребенка—тѣмъ не менѣе у насъ до сихъ поръ изъ 1,500 человѣкъ кавалеріи, считая и артиллерійскихъ казаковъ и дивизію 1-го Оренбургскаго казачьяго полка, бывшихъ Тептярей, около 60 больныхъ,

а изъ 2750 пѣхотинцевъ—600. Гарнизонъ при Акъ-булакѣ боленъ цынгой, а тотъ, что на Эмбѣ, страдаетъ тифомъ.

Замерзло у насъ менѣе чѣмъ между Оренбургомъ и Сакмарскомъ: тамъ, по слухамъ, найдены трое замерзшихъ, у насъ же по сію пору только одинъ. Но было между солдатами нѣсколько внезапныхъ смертныхъ случаевъ отъ переполненія и удушья легкихъ, такъ какъ, вѣроятно, безпрерывный холодъ гналъ кровь отъ оконечностей внутрь. Мы всѣ здоровы; при обильной пищѣ, NB. тепломъ чаѣ, достаточномъ согрѣваніи и не слишкомъ усиленномъ напряженіи тѣла, такая прогулка выносится очень хорошо; я такъ тепло и удобно одѣтъ, что право ни разу не страдалъ особенно отъ морозу.

Пѣхота одѣта тепло, но это ей въ тягость на маршѣ; только крѣпкіе какъ желѣзо Уральскіе казаки ѣдутъ верхомъ съ веселыми пѣснями. Что вы скажете, напр., о такой работѣ: верблюдовъ приходится держать на ногахъ, покуда ихъ навьючиваютъ, потому что, если имъ дать лечь для этого, то они уже не встанутъ. При этомъ надобно подымать съ земли мѣшки съ мукой и ящики съ сухарями, въ 7 — 8 пудовъ вѣсу — все это лежитъ на обязанности Уральскаго казака.

Теперь спрашивается, отчего же экспедиція на этотъ разъ не удалась и можно ли за это обвинять кого-нибудь? Отвѣчаю по совѣсти и съ полнымъ убѣжденіемъ, что предпріятіе безъ сомнѣнія увѣнчалось бы успѣхомъ, т. е. мы въ эту пору были бы уже почти въ Хивѣ, если бы зима стояла обыкновенная, какая бываетъ большею частью. Вы знаете, что большинство Киргизовъ покидаетъ Илекъ въ концѣ зимы и переходитъ Эмбу, потому что здѣсь почти вовсе не бываетъ снѣгу, а если и бываетъ, то едва столько, сколько нужно, чтобъ скотъ могъ пастись; самые старые Киргизы не запомнятъ такой зимы, такихъ глубокихъ снѣговъ и сильныхъ морозовъ.—По гладкой дорогѣ и теперь еще верблюды могутъ итти порядочно, но въ снѣгу вязнутъ. Люди хорошо перенесли всѣ трудности, провіанту у насъ хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ, но верблюды пропали, а съ ними и все предпріятіе.—Выступи мы нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, мы бы еще прошли благополучно, пока снѣгъ былъ не такъ плотенъ, но—во 1-хъ, кто могъ это знать? Намъ предстояло итти черезъ безводныя пустыни, гдѣ спасенья только и можно было ожидать отъ снѣгу—а первый порядочный снѣгъ на Усть-Уртѣ рѣдко выпадаетъ ранѣе января. Мы все боялись терпѣть отъ недостатка снѣга, никогда не пред-

ставляли себѣ его въ такомъ избыткѣ, потому что это почти небывалый случай. Во 2-хъ, походъ былъ утвержденъ только въ мартѣ, а въ ноябрѣ слѣдовало уже совершить его, такъ было приказано. Оттого такія разнообразныя приготовленія никакъ не могли быть окончены ранѣе. Правда, что произошли разныя ошибки въ разчетѣ, иначе и быть не могло; но главная бѣда не въ этихъ ошибкахъ; сами по себѣ онѣ не могли бы разстроить все предпріятіе. Непріятеля мы къ счастью не видѣли; слѣдовательно нашего отступленія нельзя приписать его храбрости. Однакожъ была у насъ одна миніятюрная стычка. Хивинскій ханъ выдумалъ глупость—отправилъ тысячи двѣ Узбековъ, Туркменовъ и Каракалпаковъ (они были хорошо одѣты, хорошо вооружены и посажены на хорошихъ коней), съ тѣмъ чтобъ они взяли и срыли наши два редута—Акъ-булакъ и Эмбу. Въ декабрѣ этотъ отрядъ дѣйствительно достигъ Акъ-булака; тамъ было 160 человѣкъ гарнизону и двѣ пушки; валъ и ровъ совершенно сравнены снѣгомъ: тамъ лежало полтораста больныхъ; два огромные стога снѣга стояли въ разстояніи сажень 24-хъ оттуда; вся осада продолжалась двое сутокъ; горнизонъ могъ сдѣлать не болѣе девяти выстрѣловъ, потому что осадный корпусъ держался въ приличномъ отдаленіи. Нѣсколько человѣкъ чрезъ каждыя десять минутъ прискачутъ, начнутъ кричать, ругаться и требовать безусловной сдачи укрѣпленія—но каждый разъ четыре казака (именно *четыре*) прогонятъ ихъ: болѣе конницы па лицо не было. Послѣ того осадный корпусъ—потерпѣвъ однакожъ нѣкоторый уронъ, я самъ видѣлъ четырехъ мертвыхъ, случайно выкопанныхъ изъ подъ снѣгу—двинулся противъ конвоя, о которомъ я выше упомянулъ и который, ничего не подозрѣвая, пошелъ изъ Эмбы къ Акъ-булаку. Онъ состоялъ изо стадвадцати человѣкъ пѣхоты и ста казаковъ, въ числѣ коихъ было только сорокъ конныхъ, такъ какъ остальные запрягли своихъ лошадей въ лазаретныя повозки. Хивинцы сняли свою осаду, убѣдившись, что лбомъ стѣны не прошибешь, и пошли на встрѣчу конвою. Въ пятнадцати верстахъ отъ крѣпости они на него напали внезапно и неожиданно, когда онъ остановился для отдыха и пустилъ лошадей на траву. Эта горсть людей могла бы конечно быть изрублена до послѣдняго человѣка двумя-тремя тысячами хорошо вооруженныхъ всадниковъ, но хищничество Хивинцевъ было причиною, что они безумно бросались прежде всего на верблюдовъ, лошадей и багажъ, такъ что сперва казаки, а потомъ и солдаты успѣли соединиться, построиться и дать залпъ. Такой неудачи

Хивинцы не ожидали; когда двое-трое изъ нихъ свалились назадъ съ лошадей, всѣ ударились въ бѣгство. Почти двои сутки продолжалась и здѣсь выдержанная съ большой энергіей осада, при которой Хивинцы потеряли сравнительно многихъ, какъ можно было заключить изъ попадавшихся случайно могилъ, въ одной изъ которыхъ лежало напр. 19 труповъ. У насъ пятеро убитыхъ и одиннадцать раненыхъ. Послѣ этихъ подвиговъ непріятельская армія отступила, дала нашей спокойно тронуться и итти далѣе, и не рѣшилась не разу потревожить ее на переходѣ въ пятнадцать верстъ. Этимъ дѣло и кончилось; я досталъ себѣ голову Хивинца, отъ которой черепъ, вмѣстѣ съ заготовленными у меня башкирскими, киргизскими и мещерякскими черепами, я намѣренъ отправить въ Академію, и вотъ чуть ли не единственная польза всего похода. Но что же онъ еще доставилъ ученому міру? спросите вы. Да не болѣе того, чтó можно было ожидать отъ такого невыношеннаго зародыша. Леманъ[1]) очень и очень способный человѣкъ, но изъ-за снѣга и онъ ничего не могъ сдѣлать. Дюжины двѣ мѣховъ отъ млекопитающихъ—особенно грызуновъ—столько же растеній, которыя неутомимый собиратель отрылъ подъ снѣгомъ и опредѣлилъ, и притомъ отчасти такихъ, какихъ здѣсь никогда еще не находили. —Потомъ онъ снялъ и сообщилъ намъ очень наглядный геогностическій чертежъ всего пройденнаго нами пространства; далѣе онъ набралъ дюжины двѣ минералогическихъ образцовъ, нѣсколько окаменѣлостей, которыя для васъ будутъ интересны, вотъ и все. Къ этому надобно прибавить, въ отношеніи къ географическимъ задачамъ, опредѣленіе долготы и широты устья рѣки Аты-Якши въ Эмбу[2]) и прекраснаго, но невкуснаго и нездороваго ключа Акъ-булака, въ 160-и верстахъ отъ подошвы Усть-сырта. Утверждаютъ, что опредѣленіе послѣдне-упомянутаго мѣста доставляетъ новыя свѣдѣнія объ очертаніи и положеніи Аральскаго моря; я еще не могу составить себѣ яснаго понятія о справедливости этого увѣренія и знаю только, что Аты-Якши находится приблизительно на $3\frac{1}{2}°$ южнѣе и на $2\frac{1}{2}°$ восточнѣе Оренбурга. Такъ какъ мы вѣроятно по нуждѣ просидимъ на Эмбѣ всю весну, то Леманъ возьметъ съ

---

[1]) Александръ Леманъ (Lehmann) сопровождалъ хивинскую экспедицію въ качествѣ естествоиспытателя. Позднѣе онъ ѣздилъ съ Бутеневымъ въ Бухару. Описаніе этого путешествія, извѣстное изъ дневниковъ Лемана, напечатано академикомъ Гельмерсеномъ въ 17-мъ томѣ «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs.»

[2]) Ср. *Р. Архивъ*, стр. 416.

собою все, что можно. Мы въ дорогѣ уже принуждены были оставить на мѣстѣ около 1500 четвертей провіанта и конечно не будемъ въ состояніи подобрать еще многаго, что «съ возу упадетъ». Мы ежедневно теряемъ, въ одной нашей колоннѣ, 40—60 верблюдовъ, всего же на все 150—200.

Гернгроссъ[1]),Чихачевъ[2]), Леманъ и особенно Василій Алексѣевичъ кланяются. Послѣдній, съ тѣхъ поръ какъ вопросъ рѣшенъ, сталъ опять совершенно такимъ, какъ прежде, острить надъ самимъ собою и надъ всей экспедиціей. Но этимъ дѣло безъ сомнѣнія не кончится, это невозможно—скоро предпримутъ второй болѣе удачный походъ; не всякая зима похожа на нынѣшнюю; но въ одномъ и томъ же году невозможно все вторично поставить на ноги; средства истощены; вмѣсто полутора милліона исторія обойдется по меньшей мѣрѣ втрое дороже, и—нужно имѣть время. Какимъ способомъ теперь достать такое количество провіанта? Мука нынче стоитъ въ Оренбургѣ по три рубля пудъ, овесъ по два съ полтиной. Откуда взять первыя средства для транспорта? Невозможно тотчасъ выписать опять 12,000 башкирскихъ телѣгъ, потому что это стоило Башкирцамъ 40,000 лошадей, которыя почти всѣ переколѣли. Наконецъ—откуда еще разъ взять отъ 10-и до 15-и тысячъ верблюдовъ? Это такое громадное число, которое во второй разъ не легко набрать даже и за звонкую полновѣсную монету. Время убѣдитъ въ этомъ. Ковалевскому и Гернгроссу удалось по счастью пронюхать, что Хивинцы подстерегаютъ ихъ и хотятъ схватить; поэтому они бѣжали изъ каравана въ ночное туманное время, бросили все и благополучно добрались до Акъ-булака, гдѣ и командовали артиллеріей во время нападенія. Теперь они вмѣстѣ съ нами направляются домой.—Смѣшно сказать, а я въ эту минуту съ трудомъ пишу — отъ жару. На дворѣ 20° морозу; но я сижу у В. А.

---

[1]) Гернгроссъ и ниже упомянутый Ковалевскій, два горные офицера, осенью 1839 года присоединились къ каравану, отходившему изъ Оренбурга въ Бухару. По узнавъ на Сыръ-Дарьѣ, что они легко могутъ быть ограблены и уведены въ плѣнъ разбойниками, оба бѣжали на сѣверо-восточный берегъ Аральскаго моря и съ большими опасностями достигли русскаго лагеря.

[2]) Платонъ Чихачевъ, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Сѣверную и Южную Америку, участвовалъ волонтеромъ въ хивинскомъ походѣ. Этому даровитому отважному, рыцарски благородному человѣку не удалось, къ сожалѣнію, исполнить своего пламеннаго желанія—побывать въ центральной Азіи. Уже много лѣтъ, онъ живетъ за границею вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ, извѣстнымъ путешественникомъ по европейскому Востоку и по Алтаю.

Перовскаго въ кибиткѣ, гдѣ желѣзная печь—это настоящая баня, невыносимо; уже темно: жалобное рычанье возвращающихся съ тебеневки верблюдовъ, смѣшанное съ визгливыми голосами перекликающихся Киргизовъ, совершенно оглушаетъ и одуряетъ.

Прощайте, будьте здоровы. Кланяйтесь Беру, Гессу и всѣмъ, кто меня помнитъ.

В. Даль.

Напишите мнѣ, какъ вы поживаете и что дѣлается въ Петербургѣ.

ВОСПОМИНАНІЕ О П. П. ПЕКАРСКОМЪ.*)

Академика Я. К. Грота.

Петръ Петровичъ Пекарскій родился 19 мая 1828 г. въ Уфѣ: предки его, выходцы изъ Польши, давно поселились въ Оренбургскомъ краю. Его прадѣдъ по отцу попалъ въ плѣнъ къ Пугачеву, который велѣлъ содрать съ него живаго кожу. Дѣдъ его со стороны матери былъ уфимскій губернаторъ Пеутлингъ. Поэтому-то П. П. шутя говаривалъ, что онъ своею аккуратностью обязанъ нѣмецкому происхожденію. Высшее образованіе получилъ онъ въ Казанскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ; окончивъ курсъ въ 1847 г., онъ былъ опредѣленъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года въ оренбургское губернское правленіе помощникомъ столоначальника, а въ октябрѣ того же года переведенъ въ самарскую удѣльную контору, гдѣ и продолжалъ службу до начала 1850. Переселясь въ Петербургъ, онъ въ ноябрѣ 1851 перешелъ на службу въ канцелярію министерства финансовъ и оставался тамъ съ небольшимъ десять лѣтъ. Въ мартѣ 1862 онъ, послѣ кратковременной отставки, поступилъ въ Государственный архивъ, на вакансію дѣлопроизводителя, по выбытіи изъ этой должности В. И. Ламанскаго. Въ слѣдующемъ году онъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ 1868 получилъ званіе ординарнаго академика.

Литературная извѣстность Пекарскаго началась уже съ перваго времени его пребыванія въ Петербургѣ: онъ тогда уже избралъ своею спеціальностью исторію русскаго образованія и сталъ помѣ-

---

*) Перепечатывается, съ небольшими измѣненіями, изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1872 года (1-го авг. № 208). Авторъ въ то время находился въ рязанской деревнѣ и написалъ эту замѣтку подъ первымъ впечатлѣніемъ по прочтеніи въ газетахъ извѣстія о смерти своего сочлена.

щать труды свои въ «Современникѣ», а отчасти и въ «Отечественныхъ Запискахъ» *). Какъ постоянны были его занятія по избранной части, видно изъ того, что нѣкоторыя изъ напечатанныхъ имъ довольно рано статей вошли позднѣе въ составъ его капитальнаго сочиненія: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», увѣнчаннаго въ Академіи Наукъ полною Демидовскою преміей. Въ Государственномъ архивѣ тогдашній начальникъ его, Ѳ. И. Гильфердингъ, вполнѣ оцѣнилъ достоинства своего новаго подчиненнаго и всячески содѣйствовалъ ученымъ занятіямъ его при архивѣ. Первымъ значительнымъ плодомъ этихъ занятій было тогда же изданное собраніе матеріаловъ относительно дѣятельности при русскомъ дворѣ французскаго посланника де-ла-Шетарди.

Въ то же время начался цѣлый рядъ составленныхъ Пекарскимъ монографій, касавшихся исторіи русской литературы, въ связи съ исторіею Академіи, какъ-то: «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II»; «Екатерина II и Эйлеръ»; «Путешествіе академика Делиля въ Березовъ»; «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова»; «Жизнь и литературная переписка Рычкова»; «Новыя извѣстія о Татищевѣ»; «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ»; и многія другія.

Главнымъ источникомъ матеріаловъ для этихъ изслѣдованій служилъ Пекарскому академическій архивъ. Такой характеръ историческихъ этюдовъ Пекарскаго и былъ причиной, что черезъ нѣсколько времени по поступленіи его въ Академію Наукъ, ему предложено было взять на себя составленіе исторіи этого учрежденія. Съ обычною энергіею принялся Пекарскій за новый трудъ, и въ теченіе немногихъ лѣтъ успѣлъ разработать первый періодъ исторіи Академіи, до 1767 года, распредѣленный имъ на два большіе тома, изъ которыхъ первый уже извѣстенъ ученому міру. Положеніе Пекарскаго въ отношеніи къ Государственному архиву послужило поводомъ къ возложенію на него еще другаго, важнаго и почетнаго порученія. По мысли августѣйшаго предсѣдателя Русскаго Историческаго Общества, Государя Цесаревича Александра Алек-

*) Самый полный списокъ трудовъ Пекарскаго напечатанъ при некрологѣ его, въ *Русской старинѣ* 1872 г. (декабрь, стр. 684—693). Но и въ этомъ спискѣ замѣченъ мною одинъ пропускъ: въ *Современникѣ* 1860 г., т. LXXXIV, № 12, Отд. III, стр. 433-448, за подписью В. Р., какъ мнѣ извѣстно изъ показанія самого Пекарскаго, напечатана статья его: *Новые матеріалы для біографіи Ломоносова* (по поводу изданной Академіею Наукъ переписки Вольфа).

сандровича, предпринято было изданіе бумагъ императрицы Екатерины II, и Пекарскій, при посредствѣ государственнаго канцлера, князя А. М. Горчакова, избранъ редакторомъ собранія этихъ драгоцѣнныхъ историческихъ актовъ. И тутъ работа закипѣла подъ руками опытнаго издателя: въ короткое время 1-й томъ былъ изданъ, 2-й быстро подвигался къ концу. Этимъ двумъ обширнымъ трудамъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ былъ едва по силамъ одному человѣку, нашъ неутомимый академикъ посвящалъ почти все время, остававшееся у него отъ службы по архиву; эту службу несъ онъ, между тѣмъ, также съ свойственною ему во всякомъ дѣлѣ добросовѣстностью, приводя въ порядокъ ввѣренные ему отдѣлы этого неистощимаго историческаго хранилища и составляя имъ описи.

Пекарскій обладалъ изумительнымъ трудолюбіемъ, рѣдкою способностью работать безъ устали. Время его было распредѣлено съ строгою правильностью, отъ которой онъ безъ особенныхъ причинъ никогда не отступалъ. Этимъ только и объясняется, что онъ при постоянной коронной службѣ, успѣлъ въ продолженіе 20-тилѣтней литературной дѣятельности написать такъ много; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ успѣвалъ зорко слѣдить за литературой своей спеціальности, въ которой ни одно явленіе не ускользало отъ него, и собиралъ съ величайшимъ тщаніемъ всѣ книги, брошюры и статьи, относившіяся къ этой области: составленная имъ библіотека, отличавшаяся не только полнотой и порядкомъ, но также внѣшнимъ изяществомъ, принадлежитъ конечно къ числу самыхъ замѣчательныхъ спеціальныхъ книгохранилищъ въ Россіи и содержитъ множество библіографическихъ рѣдкостей. Особенно важны въ ней, между прочимъ, коллекціи отдѣльныхъ статей, вырѣзанныхъ имъ изъ журналовъ и газетъ и переплетенныхъ группами, по предметамъ, въ болѣе или менѣе объемистые томы *).

Неоспоримыя достоинства ученыхъ трудовъ Пекарскаго заключаются въ обиліи новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ рукописныхъ источниковъ, въ положительности, точности и достовѣрности всѣхъ его сообщеній. Въ своихъ разысканіяхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою основательною, осторожною критикою, иногда доходившею, можетъ быть, до излишняго уваженія къ записанному факту, до преувеличеннаго опасенія позволить себѣ какую-нибудь

*) Нынѣ эта библіотека перешла въ руки зятя Пекарскаго, Дм. Ѳом. Кобеко.

догадку или смѣлое соображеніе. Поэтому всѣ труды его носятъ господствующій характеръ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для всякаго будущаго изслѣдователя, но не представляютъ того оживленнаго интереса, которыхъ неспеціалистъ ищетъ въ каждомъ чтеніи. Эту сторону своихъ трудовъ и отсутствіе въ нихъ художественнаго изложенія онъ самъ ясно сознавалъ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, и еще незадолго передъ смертью говорилъ, что въ настоящемъ положеніи исторіи русской литературы считаетъ наиболѣе нужными именно такого рода труды, составляющіе первоначальную основу для послѣдующей разработки предмета. Другой недостатокъ, на который Пекарскій также самъ указывалъ въ своихъ трудахъ, относился къ языку, который у него не всегда выдерживаетъ филологическую и литературную критику; онъ откровенно сознавался, что не получилъ надлежащаго филологическаго образованія, и потому не гонится за совершенствомъ въ этомъ отношеніи. Но эти внѣшніе недостатки нисколько не уменьшаютъ научной важности трудовъ Пекарскаго, который ими конечно занялъ навсегда почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и неизгладимо вписалъ свое имя въ лѣтописи Академіи Наукъ. Послѣднимъ трудомъ его по исторіи этого учрежденія была подробная, основанная большею частью на новыхъ источникахъ и вполнѣ безпристрастная біографія Ломоносова, которая, вмѣстѣ съ біографіею Тредіаковскаго, составитъ 2-й и, прибавимъ съ прискорбіемъ, послѣдній томъ превосходной работы покойнаго академика. Долго Пекарскій надѣялся выпустить этотъ томъ къ Петровскому юбилею, но, къ сожалѣнію, такое предположеніе не могло осуществиться. Въ настоящее время томъ почти уже отпечатанъ; всѣ приложенія къ нему были уже сданы Пекарскимъ въ типографію за нѣсколько недѣль до его смерти; оставалось только составить и напечатать подробный указатель, что не могло не потребовать еще довольно времени.

Твердый характеръ, такъ много способствовавшій къ успѣшной дѣятельности Пекарскаго, былъ вообще отличительною чертою во всѣхъ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ. Трудно найти человѣка, который бы съ большею послѣдовательностью держался своихъ убѣжденій и правилъ, и трудно встрѣтиться съ болѣе честными и благородными убѣжденіями. Ихъ высказывалъ онъ смѣло, а иногда и рѣзко, не боясь повредить своимъ отношеніямъ даже съ людьми, имѣвшими вліяніе на его обстоятельства. Никогда изъ-за какихъ-нибудь выгодъ онъ не кривилъ душою; голосъ его былъ всегда на

сторонѣ правды и праваго дѣла. Во всякомъ коллегіальномъ собраніи Пекарскій былъ бы незамѣнимо полезнымъ членомъ; такимъ показалъ онъ себя и во время пребыванія въ комитетѣ литературго фонда, гдѣ со всегдашнею своею основательностью и ревностью участвовалъ въ управленіи дѣлами Общества. Академія Наукъ лишилась въ немъ не только одного изъ самыхъ прилежныхъ дѣятелей своихъ, но и одного изъ благороднѣйшихъ членовъ; можно поручиться, что въ средѣ ея не найдется никого, кто бы не сознавалъ всего значенія этой потери и не скорбѣлъ о ней искренно. Какъ человѣкъ, Пекарскій былъ, безъ сомнѣнія, не чуждъ и нѣкоторыхъ слабостей, именно какой-то угловатости въ сношеніяхъ, часто свойственной такимъ цѣльнымъ натурамъ, и раздражительности, происходившей отъ болѣзненнаго состоянія его тѣла; но прекрасныя душевныя качества вполнѣ искупали эти недостатки. Здоровье его поколебалось особенно послѣ паралича, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поразившаго личные его мускулы и заставившаго его искать исцѣленія въ Парижѣ, гдѣ онъ пробылъ цѣлую зиму (1868 — 1869 г.), пользуясь электромагнетизмомъ. Хотя онъ и возвратился оттуда, повидимому, поправившимся, но силы его были навсегда подкошены: ни гимнастика, къ которой онъ постоянно прибѣгалъ, ни лѣченіе кумысомъ, прошлымъ лѣтомъ, на родинѣ, не могли совершенно возстановить его здоровья, уже и отъ природы шаткаго. Вторичное лѣченіе кумысомъ могло бы значительно укрѣпить его силы; но служба не позволила ему нынче отлучиться далѣе Павловска, гдѣ онъ поселился съ семействомъ на лѣто, и гдѣ я въ послѣдній разъ видѣлъ его ровно за мѣсяцъ до его смерти. Мы провели вмѣстѣ почти цѣлый день: онъ былъ оживленъ и веселъ; его очень занимала мысль собрать все, что̀ выйдетъ въ печати по поводу Петровскаго юбилея; онъ показывалъ мнѣ, какъ новинку, медаль въ память Петра Великаго, только что появившуюся въ продажѣ.... Мы разстались въ твердой надеждѣ увидѣться въ августѣ, но разстались навѣки....

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, іюнь 1873 года.
Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

2007051478